

Раньше князь Юнь Сяо Цзочэнь отправлялся в Ванъяньчэн тайно, и никто об этом не знал, потому что тогда он находился под домашним арестом. А причиной опалы, по сути, вновь стало какое-то учиненное им буйство, за которое императору требовалось перед отчитаться перед сановниками.

И не прошло и нескольких дней с начала домашнего ареста, как он сбежал в Ванъяньчэн. Поэтому, когда император велел ему явиться во дворец, Сяо Цзочэня вовсе не было в резиденции, а стража не смела впустить привратника-евнуха внутрь.

Теперь же, вернувшись во дворец, он сразу направился в Юйсяньлоу, из-за чего в глазах посторонних князь Юнь, едва ли не в первый же день после снятия запрета, побежал развлекаться в веселый дом.

Не прошло и нескольких дней, как на утреннем докладе при дворе партия Шестого принца вновь раздула поведение князя Юня, договорившись даже до того, что князь Юнь заявился в дом терпимости, держа в руке Меч Сына Неба. Император, разумеется, не верил, что князь Юнь мог совершить столь нелепый поступок, и, взмахнув рукавом, заставил говоривших замолчать. Почему они не упомянули, что князь Юнь преподнес в дар три ящика нефрита?

В этот самый момент старший принц Сяо Цзоцин неожиданно пожаловал на утренний совет.

— Ваш покорный слуга приветствует Вашего Величества!

— Цзин-эр, с чего это ты вдруг решил прийти на утренний совет?

— Докладываю Вашему Величеству, у вашего сына есть дело государственной важности.

— Редкий случай, когда у тебя есть дело к докладу. Говори~.

— В последние дни Шестой младший брат часто навещал меня и заводил разговор о народном благосостоянии в Тайане. Ныне, после столетий процветания, жизнь простого народа в Тайане стала стабильной, и серьезных проблем не наблюдается. Однако те предложения, что выдвинул Шестой брат, действительно принесут простолюдинам большую пользу.

Не успел старший принц договорить, как кто-то из партии Шестого принца выразил сомнение:

— Ваша Светлость князь Цин, раз уж у князя Юня есть замысел на благо страны и народа, он вполне мог лично явиться на совет и подать прошение. К чему было утруждать князя Цина? Или же что-то задержало его, и он не смог присутствовать?

Говорившим оказался не кто иной, как академик Ханьлиня Чжан Чжиюань. Лицо императора вновь вытянулось. Вечно эти несколько человек, не имея других забот, то и дело отпускали двусмысленные колкости в адрес его сокровища-сына.

Хотя старший принц в будни не стремился к борьбе и соперничеству, это вовсе не значило, что об него можно было вытирать ноги.

— Господин Чжан, ваши слова звучат неподобающе.

— О? И что же Ваша Светлость князь Цин считает неподобающим?

— Господин Чжан, Шестой брат заботится о народном благополучии — это великий долг. Но вы, будучи академиком Ханьлиня, не смогли придумать ничего подобного — это глупость. Шестой брат, являясь принцем и обладая княжеским титулом, разработал план, но не явился на совет. Вы же, будучи подданным, вместо того чтобы проявить беспокойство о здоровье князя, распускаете здесь ядовитые намеки — это злокозненность. Господин Чжан, вы — пример для прочих академиков, я надеялся, что вы станете подавать личный пример.

— Хм!

Абсолютно не впечатленный словами старшего принца, Чжан Чжюань прямо возразил:

— Ваша Светлость князь Цин, вам не нужно заниматься здесь софистикой. Если бы князь Юнь не чувствовал за собой вины, он вполне мог явиться к тронному помосту лично. К тому же я — подданный Его Величества, а не какого-то там князя Юня! Я хожу прямо и поступаю честно, и во мне нет ничего, к чему можно было бы придраться!

— Раз господин Чжан ходит прямо и поступает честно, почему же за моей спиной он утверждает, будто я чувствую за собой вину? Кхе-кхе...

В этот момент Сяо Цзочэнь, волоча свое хворое тело, вошел в тронный зал. Придворные по обе стороны почтительно приветствовали его — кто с искренним уважением, а кто с презрением.

Император тоже испытывал некоторое любопытство: старший сын обычно почти не посещал утренние доклады, а младший шестой и вовсе появлялся лишь единожды, с чего же сегодня они оба явились? Да еще и выглядят так, словно связаны одной веревкой.

— Приветствую Отца-Императора. Ваш сын нездоров, а потому опоздал на совет. Изначально я и вовсе не собирался приходить: долг подданного — приносить пользу и разделять заботы Отца-Императора, и я полагал, что передать этот план благосостояния народа через старшего брата будет вполне достаточно. Но потом, подумав получше, я решил: если я не появлюсь, злонамеренные люди наверняка снова начнут болтать, будто я целыми днями пропадаю в домах терпимости, и мне пришлось явиться.

Услышав слова князя Юня, Чжан Чжюань и прочие приспешники Третьего принца презрительно фыркали, а некоторые гневно взмахивали рукавами. Чистейший вздор, лицемерное кривляние!

Но император как раз обожал подыгрывать своему драгоценному сыну в этом представлении. Его Величество хлопнул ладонью по столу, так что даже борода затряслась.

— Это кто тут говорил?! Мой сын, преодолевая недуг, трудится на благо государства, а посторонние, не зная сути дела, несут чушь и злобно клеветуют! Их должно предать смертной казне!

От такого удара и окрика императора Чжан Чжюань и остальные лишились дар речи. До прихода двух князей они только и делали, что судачили об этом, но император делал вид, что не слышит, и пренебрегал ими. С чего же теперь, когда князья явились, они еще даже не успели напасть, а император уже принялся защищать князя Юня?

— Ваш императорское величество, ваш слуга надеялся...

— М? Кто тебе разрешал говорить? Я ведь не о тебе толкую~.

— А, это...

Чжан Чжюань мгновенно растерялся. Император явно говорил о нем, как же он теперь утверждал обратное?

— Кхе-кхе~. Господин Чжан, не стоит так спешить. Моему здоровью хватит сил продержаться еще не один десяток лет, поговорим в другой раз.

— Ах ты!..

— М?

Теперь отец и сын объединились против него: стоило ему только попытаться открыть рот, как император тут же его одёргивал.

— Раз князя Юня охраняет драконье дыхание Его Величества, прожить еще с десяток лет для него, разумеется, не составит труда.

Сановник из партии Шестного принца поспешил сгладить неловкость.

— Всё высказались? Тогда, может, перейдем к обсуждению плана благосостояния народа, предложенного князем Цзином и князем Юнем?

Стоило императору умолкнуть, как в зале воцарилась абсолютная тишина. Император же знаком велел евнуху Му И взять мемориал из рук князя Цина.

Прочитав написанное, император слегка нахмурил брови — ничего подобного ему раньше встречать не доводилось.

— Му И, пусть по рядам, пусть достойные сановники ознакомятся.

В мемориале шла речь о так называемой народной пенсии. На словах понять это было несложно, но подобного прецедента еще никогда не существовало. Какую в действительности пользу это принесет государству и народу? Как это осуществить? И поверят ли простые люди?

Пока министры передавали свиток друг другу, император высказал свои сомнения. Однако князь Юнь молчал, предоставив князю Цину возможность самим разъяснить всё императору и сановникам.

— То, что именуется пенсией, означает, что по достижении старости государство будет выплачивать людям денежное пособие. Однако у этой пенсии есть временной порог, детали которого еще требуют обсуждения. В молодые годы простолюдины смогут выделять небольшую часть от своего ежемесячного заработка и сдавать ее государству. Когда же они достигнут установленного возраста, то смогут ежемесячно получать государственную пенсию и жить в достатке, не выходя на тяжелую работу.

— Хм~.

Император кивнул, показывая, что понял суть.

— Достойные сановники, если у кого-то есть вопросы, не стесняйтесь, обсудим.

— Ваша Светлость князь Цин, у вашего покровительного слуги есть вопрос.

Это был тайфун Байли Ду. Князь Цин почтительно поклонился ему.

— Прошу вас, учитель.

— Как именно будет устанавливаться этот возрастной порог? Если порог окажется слишком низким и в старости люди будут получать больше, чем внесли, разве не опустеет тогда государственная казна? Если же порог установят слишком высоко, и выплаты окажутся меньше взносов, тогда кто станет участвовать?

— Мы обсуждали этот вопрос с Шестым братом. В ведомстве доходов имеются записи о средней продолжительности жизни простого народа за последние годы, мы можем отталкиваться от этого показателя.

С этими словами князь Цина все взгляды обратились на министра доходов Тянь Ляна.

— Господин Тянь? Извольте высказаться~.

Министр доходов был человеком немногословным, и если бы соседний сановник не толкнул его в бок, он, пожалуй, так и продолжал бы вести себя так, будто его это не касается. Подняв голову, он увидел, что император смотрит на него с полным ожидания выражением лица.

— А, докладываю Вашему Величеству. С самого основания династии дожди и ветра шли вовремя, жизнь народа улучшалась, и средняя продолжительность жизни возросла.

— И какова же она теперь?

До чего же он словоохотлив!

— Докладываю Вашему Величеству, в настоящее время средняя продолжительность жизни простолюдинов составляет пятьдесят лет.

Император снова перевел взгляд на князя Цина, знаком призывая того продолжить.

<http://bllate.org/book/21822/2259415>